

Ночью все прошло спокойно, и на следующее утро, прежде чем открыть окно, Хуа Маньлоу спросил вошедшего с водой Хуа Пина:

— Прошлой ночью шел снег?

— Да, — кивнул Хуа Пин. — Но несильно, всего тонкий слой. Во дворе уже растаял, остался только на крыше.

Хуа Маньлоу оделся, вымыл руки в приготовленной горячей воде и приложил к лицу горячее полотенце. Его приглушенный голос прозвучал из-под ткани:

— А где брат Лу?

Хуа Пин, в это время складывая одеяло, ответил:

— Не знаю. После того как вы уснули, я его больше не видел.

— Кто тебя научил так странно говорить? — Хуа Маньлоу ткнул его в лоб.

— Ночные тени! — вспомнил Хуа Пин, потирая круглый подбородок. — Они вчера ночью чем-то занимались, все были возбуждены, как будто получили новогодние подарки, и говорили бессвязно.

Хуа Маньлоу вздохнул — его братья были хороши во всем, но люди, которых они прислали, иногда вызывали вопросы. Непонятно, откуда они набрали такую компанию.

— Кстати, молодой господин, сегодня вечером в Павильоне Грушевого Дыма будет представление, пригласили известную труппу Куньцзюй. Хотите пойти? — Хуа Пин внезапно вспомнил об этом и с энтузиазмом спросил.

Хуа Маньлоу вспомнил вчерашний спор, поправил пояс, взял складной веер и с улыбкой ответил:

— Почему бы и нет?

Затем он вспомнил о чем-то еще, подошел к двери и обернулся:

— Но пойдём только мы с тобой, тени не нужны.

«Бум», «хлоп», «шлеп»...

Как только Хуа Маньлоу произнес эти слова, во дворе раздались звуки падения и разбитых сердец.

Павильон Грушевого Дыма — известный театр в столице, где выступают труппы, приглашенные императорским дворцом. Любители этого искусства обязательно посещают его. Однако из-за его престижа обычно только высокопоставленные чиновники и богатые молодые люди могут позволить себе войти внутрь.

Одно из известных правил Павильона Грушевого Дыма — каждое шестнадцатое число месяца, в ночь полнолуния, когда пейзаж особенно красив, гости могут заказывать пьесы. Конечно, это также соревнование — кто предложит больше, тот и получит право выбора. Однако богатые любят выпендриваться, и такие убыточные сделки они принимают с удовольствием — ведь когда есть деньги, остается только сохранить лицо.

Жители столицы говорят, что владелец Павильона Грушевого Дыма — настоящий мастер, способный вытащить перья даже у железного петуха.

Лу Сяофэн сидел в уютной комнате на втором этаже и пил чай. Напротив него сидела красавица в прозрачной накидке с распущенными волосами, грациозная и расслабленная. Нефритовый бокал задерживался между ее алыми губами, что вызывало безумное очарование.

— Тебе не холодно?

Лу Сяофэн потрогал кувшин с вином, стоящий рядом — еще немного, и можно будет пить.

Красавица нахмурилась:

— Хм, а ты, Лу Сяофэн, который якобы покорила сердца всех женщин мира, совсем не романтичен! Похоже, эти женщины были слепы!

— Я не знаю, слепы ли они, но я вижу, что ты скоро ослепнешь. — Лу Сяофэн посмотрел на круги грязи вокруг глаз собеседника и вдруг почувствовал, что чай стало трудно пить.

— Ты ничего не понимаешь! — Красавица протянула свои изящные, словно лишенные костей, пальцы. — В этой грязи я добавила мед и белый пион. Через семь дней кожа вокруг глаз станет белой и нежной, и тогда одним взглядом я смогу уложить целую толпу!

— Хе-хе. — Лу Сяофэн отвернулся.

[Система]: Мысль: Наверное, все умрут от отвращения.

Однако он оставил эту мысль при себе, ведь сейчас он нуждался в помощи этой персоны, и разозлить ее было бы неразумно.

— Хозяин, они пришли. — Слуга постучал в дверь и вошел.

Увидев своего хозяина в таком виде, он не удивился, видимо, привык. Лу Сяофэн невольно восхитился силой духа людей из Павильона Грушевого Дыма.

— Ну и пусть пришли. Сначала отведи их в третью комнату, пусть ждут. Когда гости придут, тогда и выступим.

— Хозяин... — слуга замялся.

— Говори сразу, а то получишь! — Красавица схватила баночку с кремом и швырнула в него. — Как я вас учил? Перед посторонними нужно держаться так, будто ты самый лучший на свете! Сейчас ты не слуга, ты настоящий мужчина, выпрями грудь и говори! У тебя и так груди нет, а если еще будешь сутулиться, то и зад станет больше!

Слуга, весь в пятнах, хотел заплакать.

Лу Сяофэн выплюнул чай:

— Давно не виделись, я уже забыл, что у тебя бывают такие сцены. Птичка Хуан Ли, мне интересно, как ты, с таким внешним видом, вытаскиваешь перья у железных петухов и старых лис?

— Не называй меня птичкой Хуан Ли! — Хуан Ли бросил на него взгляд, но грязь чуть не упала

с его лица, и он поспешно успокоился. — Если ты испортишь мне эти семь дней, ты, феникс, станешь лысым цыпленком!

Лу Сяофэн махнул рукой:

— Не переживай, перья железного петуха вытащить легко, а вот феникса — гораздо сложнее.

— Кто кого боится? — Хуан Ли поставил ногу на диван, обнажив белую ногу, и начал ковырять в носу.

Лу Сяофэн отвернулся к окну.

После ужина перед Павильоном Грушевого Дыма остановились десятки карет, почти перекрыв всю улицу. Лу Сяофэн, глядя сверху, покачал головой.

— Кх-кх.

Арахис застрял у него в горле, и он широко раскрыл глаза, увидев внизу троих человек. Этот фальшивый нищий разве не из Департамента божественных сыщиков? Как его выпустили? А тот, кого он обхаживает, разве не Хуа Маньлоу?

После звуков гонга представление началось. Лу Сяофэн спустился по лестнице и увидел, что Хуа Маньлоу поднимается с другой стороны.

Между ними был весь зал, и шум аплодисментов снизу мешал позвать. Лу Сяофэн махнул рукой и направился за кулисы. Открыв занавес третьей комнаты, он почувствовал сильный запах духов. Лу Сяофэн потер нос.

[Мысль]: Хорошо, что не позвал Хуа Маньлоу, а то у него бы весь нос покраснел.

Однако мысль о том, как Хуа Маньлоу начнет чихать, вдруг вызвала улыбку.

— Господин Лу.

Госпожа Хуа сидела в углу, направляя учеников в гримерке, и, заметив человека у двери, обернулась, увидев улыбающегося Лу Сяофэна.

...

— Госпожа Хуа. — Лу Сяофэн быстро скрыл смущение и подошел к ней, но не назвал ее госпожой, а почтительно обратился:

— Хозяин.

Да, труппа, приглашенная сегодня в Павильон Грушевого Дыма, была той самой Труппой «Бессердечие», которая приглашала их на фестиваль Сянхэ.

Госпожа Хуа, услышав это, внутренне встревожилась, но внешне не показала ни следа. Она встала и поклонилась:

— Так это господин Лу пригласил нашу труппу? Я получила приглашение и недоумевала, почему некий господин Фэн предложил десять тысяч лян, чтобы привезти Труппу «Бессердечие» в столицу. Оказывается, это старый друг.

Десять тысяч лян? Лу Сяофэн внутренне застонал.

— Госпожа Хуа, вы слишком любезны. — Он подошел к столу, взял белую маску и примерил ее. Она оказалась слишком большой, и он просто стал играть с ней, опершись на туалетный столик. — Как вам эта маска?

— Работа искусная, выглядит как живая, несомненно, высший сорт.

Госпожа Хуа отослала служанок, и несколько актеров незаметно вышли, оставив в комнате только ее и Лу Сяофэна.

— Правда? — Лу Сяофэн посмотрел на маску, затем на госпожу Хуа. — Но мне кажется, она не так реалистична, как ваше лицо.

...

В комнате воцарилась мертвая тишина, только звуки сцены и удары гонга доносились из зала. Мелодия, которая обычно звучала так красиво, теперь казалась особенно резкой.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16229/1458158>